

УДК 159.923; 159.925.8

Свешникова Н.О., Вегера Г.В.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

**Роль эмоционального интеллекта
в формировании представления о политическом лидере**

Emotional Intelligence and a Political Leader Representations

Аннотация

В статье рассматривается проблема взаимосвязи эмоционального интеллекта респондентов как потенциальных избирателей и их представления о политическом лидере. Этот аспект является весьма актуальным и мало изученным в политической психологии. Выявлены некоторые особенности взаимосвязи отдельных характеристик эмоционального интеллекта и образа политика, различия в представлении о политиках у респондентов с высоким и низким уровнем эмоционального интеллекта.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, ЭИ, вторичный образ, представление, образ политика

Abstract

The study assesses the problem of the relations between the voters' representations of a politician and their respective emotional intelligence characteristics. This aspect is very important and has been understudied in political psychology. The relations between the characteristics of emotional intelligence and the representations of a politician, as well as the differences in the representation of policies: respondents with high and low emotional intelligence.

Keywords: emotional intelligence, EQ, secondary perception, representation, perception of a politician

Введение

В политической психологии исследования доверия политическим деятелям, как на уровне отдельного индивида, так и групп являются весьма актуальными. Ввиду этого особое внимание исследователей привлекает феномен персонификации политики. При этом можно выделить различные аспекты изучения эффектов персонификации политики на уровне массового сознания. На уровне массового сознания различные ситуации и события

политической жизни общества во многом определяются жизненными интересами, непосредственно воспринимаемым опытом, в основе которого лежат образные представления. Массовое сознание оперирует обобщенными представлениями о политической сфере, о взаимоотношениях людей в политической жизни, используя собственный субъективный опыт, формирует знание о деятельности отдельных политических институтов, лидеров, характере событий и политических процессах. Представления на уровне массового сознания являются субъективно определяемыми и составляют сложную структуру, включающую как представления, основанные на непосредственном опыте, так и абстрактные представления о социальной структуре, идеологии, системе власти. Наблюдаемый эффект персонификации политики выражается в использовании имен политических лидеров для обозначения исторических эпох или политических ситуаций и событий, идеологий или политических средств управления. При этом нельзя сказать, что это характерно лишь для СССР-России: «сталинизм», «эпоха Брежнева», «голлизм», «хрущевки», «реформы Ельцина» «рейганомика» и пр. В данном случае на уровне массового сознания закреплены образы – символы политиков, в которых отражается определенный тип политических взглядов и отношений, а не конкретное представление о политическом лидере. Этот феномен имеет и обратный эффект – отношение, как к власти, так и к политическим ценностям и установкам, к политическим системам переносится на отношения к политическим лидерам. Как отмечает Г.Г. Дилигенский, одной из предпосылок персонификации массовых политических представлений является тот факт, что «политический лидер, находящийся в наши дни, благодаря телевидению, в сфере сенсорного восприятия своих сограждан, обладает качествами «образности» и «эмпиричности» гораздо больше, чем политические институты и течения» (Дилигенский, 1996). При этом автор указывает на то, что персонифицированность объяснения характера политических процессов и

ситуаций не всегда связана с идеологическим и пропагандистским воздействием. Для объяснения персонификации политики на уровне массового сознания Г.Г. Дилигенский использует понятие каузальной атрибуции. Большой объем множественной и противоречивой информации в значительной мере затрудняет выбор, а часто приводит к тому, что люди отказываются доверять получаемым сведениям. Г.Г. Дилигенский особое внимание уделяет такому аспекту, как «дефицит информации, воспринимаемой как достоверная, и обладающей объяснительной силой» (Дилигенский, 1996, с. 45).

«Каузальный дефицит» является характерной особенностью общественно-политического познания, по мнению автора. В ситуации «дефицита от изобилия» информации люди выбирают в качестве объяснительного вариант приписывания причин конкретным политическим персонам или ситуациям. Этим можно объяснить высокий уровень доверия либо недовольства политическим лидером. Описанные особенности познания и понимания политических явлений, объяснения ситуаций и характера событий в политической жизни являются предпосылкой для исследования представлений о политическом лидере как субъективно значимом элементе в системе политических отношений.

В большей мере понимание ситуации, объяснение ее причин и результатов связано с большей доступностью непосредственному познанию именно лидера. На уровне массового сознания причины развития ситуации связывают не столько с объективными процессами и факторами, сколько с особенностями личности политика, его особенностями принятия решений и действий. Т.В. Анисимова указывает, что персонификация определяет значимость не столько идеологических и экономических программ политика, сколько его психологических характеристик, прежде всего личностных особенностей (Анисимова, 2008). Р. Такер отмечает, что определяющее значение для признания лидера эффективным политиком имеет его

способность решать проблемы, волнующие людей (Tucker, 1981). Ф. Хайдер указывает на такую особенность представления о сильном лидере как способность/неспособность достичь результата и наличие воли, желания действовать для его достижения (Heider, 1957). Сильным лидером признается на уровне массового сознания не только человек, способный к достижению результата, но и предпринимающий для этого усилия, при этом обязательным компонентом является собственно готовность действовать для достижения результата, а не сам результат. В исследованиях американских психологов значительное внимание уделяется влиянию сочетания различных личностных характеристик и стратегий поведения политического лидера. Д. Саймонтон, один из создателей интегративной теории личности описывает профили политических лидеров и сравнивает их по критерию стиля: межличностный, харизматический, творческий, невротический, осмотрительный (Simonton, 1990). Дж. Пост указывает, что существует отношение между личностными типами и внешнеполитическим поведением (Post, 1991). Типы политических лидеров рассматриваются Дж. Постом с точки зрения свойственных им когнитивных, эмоциональных, межличностных стилей, защитных механизмов. Для каждого личностного типа характерен особый стиль.

Важным для понимания лидерства является феномен власти. А.Г. Конфисахор предлагает концептуальную модель власти, на основе которой можно описать особенности политического лидера как носителя власти (Конфисахор, 2004). Опираясь на базовые психологические характеристики власти, мы предложили некоторые наиболее существенные признаки личности «сильного лидера», обладающего властью: (1) умный, знающий, способный к прогнозированию; (2) способный к риску для достижения цели; (3) справедливый, честный; (4) безусловно авторитетный. А.Г. Конфисахор подчеркивает, что феномен власти исключает силовое воздействие. Власть как сила – это скорее метафора насилия, имеющего

разные формы. Именно поэтому диктаторы, использующие силовые способы не всегда признаются людьми как истинные авторитетные властители. Их «авторитет» держится на принуждении, а в массовом сознании они предстают как циничные, жестокие, вероломные и способные на предательство. Такие лидеры не обладают полнотой «психологической легитимности», а власть их держится на «правовой легитимности». В политической психологии проблема влияния политического лидера изучается с позиций его мотивационных, когнитивно-интеллектуальных и ценностных характеристик, содержания идеологических убеждений.

Все указанные аспекты изучаются как отдельные предпосылки лидерства. При этом остается нерешенной проблема эффективности политической деятельности лидера, особенно в кризисных политических ситуациях. В американской политической психологии были предприняты попытки объяснения успешности/неуспешности лидеров и результативности их решений с опорой на «психологический портрет» (напр. Simonton, 1990; Barber, 1972. При этом необходимо отметить, что перечень отдельных психологических характеристик и их комплексов является достаточно спорным с позиций методологических оснований. В отечественной политической психологии также есть опыт построения «психологического портрета» политического лидера (Е.В. Егорова, Н.М. Ракитянский, Г.Г. Дилигенский). Психологический портрет представляет собой системное описание содержательных и процессуальных психологических характеристик, также они разделяются на имплицитные и эксплицитные. Подобный подход позволяет на основе эксплицитных характеристик (когнитивный стиль, стиль поведения и межличностных отношений, особенности вербального и невербального поведения) описать имплицитные характеристики (ценности и убеждения, особенности мышления и представлений о реальности, стрессоустойчивость, особенности эмоциональной сферы). В работах Т.В. Анисимовой и И.А. Самуйловой

представлены методы создания «вербального портрета» политика (Анисимова, 2009; Самуйлова, 2009), на основании которого возможна реконструкция личностных особенностей политического деятеля. В наших исследованиях «психологический портрет» политика строится на основании невербальных характеристик его поведения (Свешникова, 2009). В указанных исследованиях доказана возможность использования разработанных процедур для дистантной диагностики образа политического лидера. В исследованиях образа политического лидера выявлен ряд зависимостей формирования представлений о лидере от личностных свойств людей, их социокультурных особенностей, сферы деятельности, возраста и пола, политических ориентаций, различия и сходства в представлении среди людей, не интересующихся политикой, и людей, интересующихся ею или изучающих ее.

В отечественной психологии уровень представления рассматривается как самостоятельный, имеющий многообразие форм образов, «вторичных» по отношению к образам непосредственного восприятия. Его изучением занимались многие отечественные исследователи (Л.М. Веккер, С.Л. Рубинштейн, Б.Ф. Ломов, А.А. Гостев, Б.Г. Ананьев). Образы отличаются тем, что отраженная в них информация предстает «перед взором человека одновременно и целостно» (Гостев, 2007, с. 64).

При изучении образов современные исследователи постепенно преодолевают некоторые ограничения традиционного описания образной сферы через отражательно-репродуктивную функцию. Следует отметить, что у разных людей, в зависимости от их индивидуальных особенностей, представления могут отличаться по степени устойчивости, яркости, отчетливости, полноты или бледности, фрагментарности, неустойчивости, схематичности и т.д. Представления памяти служат необходимым условием процесса познания, в ходе которого сохранившийся образ объекта актуализируется при восприятии. Если восприятие относится только к

данному в наличии настоящему, то представление одновременно относится и к настоящему, и к прошлому, и к будущему. Представления человека опосредованы языком, наполнены социально-политическим содержанием, осмыслены и осознаны (Ольшанский, 2002). По мнению Е.В. Егоровой-Гантман образ состоит из образа-знания, образа-значения и образа потребного будущего (Егорова-Гантман, 1994). Представление, по Д.В. Ольшанскому – это «образ ранее воспринятого предмета или явления; образ, создаваемый продуктивным воображением, форма чувственного отражения реальности в виде наглядно-образного знания. В отличие от восприятия, представление поднимается над непосредственной данностью единичных объектов и связывает их в понятийные схемы. Так, представление о политике – связанная система отдельных образов различных политических явлений и процессов» (Ольшанский, 2002).

В связи с этим, образ политического деятеля, понимаемый нами в целом как совокупность осознанных и неосознанных впечатлений избирателя, становится серьезным фактором в формировании представления о политической системе в целом и ее отдельных сторонах.

Избирательная практика показывает, что в большинстве случаев решение о поддержке какого-либо из кандидатов избиратели принимают, опираясь не на критический анализ программ и многочисленных политических лозунгов, а полагаясь на имеющиеся в их сознании эмоционально окрашенные образы политиков. Мнение о том или ином предмете, явлении, человеке, составляется не на основе голых фактов, а на отраженной в сознании воспринимающего эмоционально окрашенной информации, причем не всей, а той, на которой внимание сфокусировалось наиболее четко, т.е. той, которая вызвала наиболее интенсивные эмоции.

На сегодняшний день, несмотря на то, что политическая психология уже накопила значительный опыт исследования различных аспектов процесса политического восприятия, в понимании вопросов, касающихся

неосознаваемых аспектов восприятия образов политических лидеров, остается немало белых пятен.

На любые события, происходящие в окружающей нас действительности, мы в первую очередь реагируем с помощью эмоций. Именно эмоции задают направление нашему мышлению, и, что особенно важно при рассмотрении нашей проблематики, оказывают сильнейшее влияние на формирование представлений человека о людях и окружающем его мире.

В наше время политические лидеры, в основном, общаются со своими потенциальными избирателями опосредованно, через средства массовой информации (СМИ). Поэтому люди зачастую знают о конкретном политике только то, что «известно всем». И положительное или отрицательное мнение формируется не о личности политика или его программе, а об образе этого политического деятеля. Причем образ изначально эмоционально обусловлен множеством факторов, зачастую вообще никак не связанных с конкретным политиком.

Л.М. Веккер считает, что эмоциональные процессы, эмоции «как по временным параметрам, так и по итоговым характеристикам их структуры являются наиболее непосредственным из психических процессов» (Веккер, 1981), Он предлагает двухкомпонентную формулу эмоций, которая содержит субъективный (отображение состояния субъекта – носителя психики) и когнитивный (психическое отображение объекта эмоции, осуществляемое интеллектом) компоненты. Такой же взгляд на эмоции разделяет и В.К. Вилюнас. Он говорит о необособленности эмоции от когнитивного компонента, отображающего предмет эмоций (Вилюнас, 1976).

Г.Г. Дилигенский подчеркивая важность изучения эмоций и объясняя поведение человека через имеющиеся у него установки, делает акцент на том, что «эмоция, аффект – наиболее «психологический» и наиболее индивидуальный из всех компонентов установки. Установка, не имеющая

отчетливо выраженного эмоционального компонента, скорее всего, является «слабой», не играет большой роли в мотивации и поведении человека» (Дилигенский, 1996).

Эмоции играют подчас ведущую роль в регуляции поведения, в том числе и политического, что обуславливает стабильно повышенный интерес к их изучению в самых разных отраслях психологии. Поэтому не удивительно, что эмоции зачастую рассматриваются не сами по себе, а в связи с другими психическими процессами, в рамках более обширных феноменов, таких как, например, эмоциональный интеллект.

Первоначально понятие «эмоциональный интеллект» было связано с социальным интеллектом. Оно появилось именно в контексте разработки проблематики социального интеллекта такими исследователями как Дж. Гилфорд, Х. Гарднер и Г. Айзенк. Понятие социального интеллекта явилось звеном, связывающим воедино аффективную и когнитивную стороны процесса познания. В сфере социального интеллекта начал выработываться подход, понимающий познание человека не как «вычислительную машину», а как когнитивно-эмоциональный процесс.

Согласно концепции Дж. Гилфорда, социальный интеллект представляет собой систему интеллектуальных способностей, независимую от факторов общего интеллекта. Эти способности, также как и общеинтеллектуальные, могут быть описаны в пространстве трех переменных: содержание, операции, результаты. Дж. Гилфорд выделил одну операцию – познание – и сосредоточил свои исследования на познании поведения (Guilford, 1967).

В отечественной психологии понятие «социальный интеллект» было введено в обиход Ю.Н. Емельяновым. Определяя социальный интеллект, он пишет: «Сферу возможностей субъект-субъектного познания индивида можно назвать его социальным интеллектом, понимая под этим устойчивую, основанную на специфике мыслительных процессов, аффективного

реагирования и социального опыта способность понимать самого себя, а также других людей, их взаимоотношения и прогнозировать межличностные события» (Емельянов, 1985).

В.Н. Куницына предлагает такое определение социального интеллекта: «Социальный интеллект – глобальная способность, возникающая на базе комплекса интеллектуальных, личностных, коммуникативных и поведенческих черт, включая уровень энергетической обеспеченности процессов саморегуляции; эти черты обуславливают прогнозирование развития межличностных ситуаций, интерпретацию информации и поведения, готовность к социальному взаимодействию и принятию решений» (Куницына, 1995).

Получается, что социальный интеллект непосредственно участвует в регуляции политического поведения человека, так как именно способность воспринимать и интерпретировать информацию из окружающей среды обуславливает адекватность возникающих у человека образов, представлений о других людях, например, о политических деятелях.

Тем не менее, на современном этапе исследования эмоционального интеллекта являются вполне самостоятельным направлением. Эту позицию выражает мнение Д.В. Ушакова о том, что эмоциональный интеллект, хотя и тесно связан с социальным интеллектом, но имеет свою специфику. Поэтому эти два конструкта могут быть представлены как пересекающиеся области (Ушаков, 2004).

Сам термин «эмоциональный интеллект» (emotional intelligence, EQ) был впервые упомянут в 1985 году в докторской диссертации У. Пейна, а позднее, в 1990-м, уже был введен в научный оборот Дж. Мэйером и П. Сэловеем, которые описали ЭИ как «форму социального интеллекта, которая включает способность определять собственные и чужие чувства и эмоции, различать их и использовать эту информацию для определения направленности мышления и действий» (Люсин, 2004). Они предложили

первое определение эмоционального интеллекта и показали, что его можно измерить. Публикация в 1995 году книги Д. Гоулмана «Эмоциональный интеллект» принесла популярность взгляду на эмоции как на область интеллекта (Goleman, 1995).

В отечественной психологии, С.Л. Рубинштейн, развивая идеи Л.С. Выготского, отмечал, что мышление уже само по себе является единством эмоционального и рационального (Рубинштейн, 2007). Вслед за А.Н. Леонтьевым Б.В. Зейгарник отмечает, что существенность признака и свойства, значимость самого предмета или явления зависят от того, какой смысл они приобрели для человека. Явление, предмет, событие могут в разных жизненных условиях приобретать различный смысл для личности, хотя знания о них остаются теми же. Изменение эмоций, сильные аффекты, по мнению ученого, могут привести к изменению значения предметов и свойств (Зейгарник, 1986). Иными словами, речь идет об эмоциональной регуляции мышления.

Понятие «эмоциональный интеллект» не является новым для отечественной психологии. Оно имело иные обозначения: «смысловое переживание», «обобщение переживаний», «интеллектуализация аффекта» (Егорова, 1994; Гостев, 1987), «эмоциональное мышление», «эмоциональное воображение» (Ильин, 2001).

Р. Робертс, Д. Мэттьюс, М. Зайднер и Д. Люсин в своем подробном обзоре исследований эмоционального интеллекта выделяют два основных типа моделей данного конструкта, на основании которых предлагаются методики для его изучения (Практический интеллект, 2002) – смешанные модели эмоционального интеллекта и модели способностей.

Смешанные модели эмоционального интеллекта

Интерпретируют ЭИ как сложное психическое образование, имеющее и когнитивную, и личностную природу. В эти модели включаются когнитивные, личностные и мотивационные черты, благодаря чему они

оказываются близко связанными с адаптацией к реальной жизни. Все модели в этом подходе отличаются только набором включенных личностных характеристик. Измерение непосредственно эмоционального интеллекта осуществляется с помощью опросников, основанных на самоотчете, как и в обычных личностных опросниках. Так, например, Р. Бар-Он выделяет межличностный и внутриличностный эмоциональный интеллект, а в свой опросник EQ-i (Bar-On Emotional Quotient Inventory) включает еще шкалы на адаптацию, управление стрессом и общее настроение (Bar-On, 1997).

Модели способностей

Эмоциональный интеллект определяется как набор способностей, измеряемых с помощью тестов, состоящих из заданий с правильными и неправильными ответами. Наиболее известной такой методикой является MSCEIT, V.2.0 (Mayer, Salovey, Caruso, 2000), где выделяются четыре уровня эмоционального интеллекта с секциями заданий на выявление каждого из них.

К.В. Петридес и Э. Фёрнхем провели несколько иное различие, которое они считают более широким (Petrides, Furnham, 2000):

- ЭИ как способность (они называют его ability EI или information-processing EI);
- ЭИ как черта (trait EI).

Они утверждают, что характер модели определяется не столько теорией, сколько используемыми методами измерения конструкта. ЭИ как черта связан с оценкой устойчивости поведения в различных ситуациях, поэтому для его измерения могут применяться опросники. ЭИ как способность относится к традиционной психологии интеллекта, поэтому для его измерения наиболее адекватны задачи, подобные задачам интеллектуальных тестов (Практический интеллект, 2002).

В современной науке эмоциональный интеллект описывают несколько ключевых теорий:

- теория эмоционально-интеллектуальных способностей Д. Майера, П. Сэловея, Д. Карузо (1999);
- некогнитивная теория Р. Бар-Она (1997);
- теория Д. Гоулмена (2008);
- двухкомпонентная теория Д. Люсина (2004).

Д. Майер и П. Сэловей одни из первых предложили свою концепцию эмоционального интеллекта в 1990 г. (Mayer, Salovey, 1997): «эмоциональный интеллект это способность глубокого постижения, оценки и выражения эмоций; способность понимания эмоций и эмоциональных знаний; а также способность управления эмоциями, которая содействует эмоциональному и интеллектуальному росту» личности. Авторы выделили в его структуре четыре компонента (Практический интеллект, 2002):

- 1) способность воспринимать или чувствовать эмоции (как свои собственные, так и другого человека);
- 2) способность направлять свои эмоции в помощь разуму;
- 3) способность понимать, что выражает та или иная эмоция;
- 4) способность управлять эмоциями.

В отечественной психологии наиболее известна концепция эмоционального интеллекта, разработанная Д.В. Люсиным, представившим его как «способность к пониманию своих и чужих эмоций и управлению ими» (Люсин, 2004).

Способность к пониманию эмоций означает, что человек:

- может распознать эмоцию, т.е. установить сам факт наличия эмоционального переживания у себя или у другого человека;
- может идентифицировать эмоцию, т.е. установить, какую именно эмоцию испытывает он сам или другой человек, и найти для нее словесное выражение;
- понимает причины, вызвавшие данную эмоцию, и следствия, к которым она приведет.

Способность к управлению эмоциями означает, что человек:

- может контролировать интенсивность эмоций, прежде всего – приглушать чрезмерно сильные эмоции;
- может контролировать внешнее выражение эмоций;
- может при необходимости произвольно вызвать ту или иную эмоцию (Люсин, 2006).

И способность к пониманию, и способность к управлению эмоциями может быть направлены как на собственные эмоции, так на эмоции других людей. Поэтому автор данной концепции говорит о *внутриличностном* и *межличностном* ЭИ.

Таким образом, в настоящее время существует несколько подходов к формулированию понятия эмоциональный интеллект. В своем исследовании мы опираемся на подход, предложенный Д. Гоулманом, согласно которому эмоциональный интеллект – это «способность человека истолковывать собственные эмоции и эмоции окружающих с тем, чтобы использовать полученную информацию для реализации собственных целей» (Goleman, 1995) и концепцию Д.В. Люсина.

Если объединить эти две концепции, то наиболее общее определение будет звучать так: *эмоциональный интеллект – это способность понимать, управлять и контролировать эмоции*. Но, в любом случае, стоит помнить, что эмоции – неосознаваемый процесс, и в прямом смысле слова «контролировать» их, т.е. «включать/выключать», невозможно. Если эмоция уже возникла, то все «управление» сводится к ее осознанию, реакции на ее обнаружение и контролю внешних проявлений эмоционального состояния. Если опираться на теорию Д. Гоулмана, то термин эмоциональная компетентность является более точным, так как это не только знания об эмоциях (различение, распознавание), но и владение своим состоянием (навык).

Эмоциональный интеллект человека исследуется как один из факторов формирования отношения человека, представления о мире и других людях, его поведения. Собственно, эмоциональный интеллект можно отнести к ведущим факторам, влияющим на отношение людей к разным институтам политики и их политическое поведение. Представление о политике становится более рациональным, осмысленным, благодаря тому, что человек способен отразить у себя возникновение излишне положительного, или, что чаще, отрицательного представления о том или ином политическом деятеле. А образ политика, соответственно, изначально создается более реалистичным.

Методы и процедура исследования

Исследование проводилось для выявления взаимосвязи особенностей эмоционального интеллекта и представлений о политическом лидере. Данные нашего исследования позволят расширить научное представление об особенностях образа политика и роли эмоционального интеллекта в его формировании. В исследовании приняли участие жители Санкт-Петербурга в возрасте от 18 до 55 лет (средний возраст – 24,3 года), в количестве 97 человек, из которых 49 человек – мужчины и 48 – женщины. Респонденты обучались в вузах Санкт-Петербурга (гуманитарные и технические специальности) или работали в различных профессиональных сферах, 44 человека имели высшее образование и 47 человек – незаконченное высшее. В предварительной беседе с респондентами было выявлено, что они различались по характеру политической активности, имели различный опыт участия в выборах федерального и регионального уровня.

Для исследования нами были выбраны следующие политические деятели: В.В. Путин, Д.А. Медведев, С.М. Миронов, Г.А. Зюганов, В.В. Жириновский, Г.А. Явлинский. Данные политические деятели выбраны потому, что являются представителями исполнительной власти Российской

Федерации, являются лидерами политических партий, относящих себя к оппозиционным. Все они являются публичными политиками, которые активно представлены в информационном пространстве, на различных каналах и в средствах политической коммуникации. Следует отметить, что наше исследование проходило в период предвыборного периода, когда активизируется публичная сфера политики. Практически все выбранные для исследования политики в этот период давали интервью, участвовали в дебатах, выступали на телевидении и радио, проводили встречи с избирателями.

Для исследования взаимосвязи образа политика и отдельных характеристик эмоционального интеллекта у респондентов нами использовались опросник эмоционального интеллекта «ЭМИн» Д.В. Люсина и анкета «Личностные особенности политика». Опросник Д.В. Люсина позволяет выявить общий уровень развития эмоционального интеллекта и отдельных его характеристик, а анкета – представления респондентов о конкретных политических деятелях.

Опросник эмоционального интеллекта «ЭМИн» (Д.В. Люсин)

Опросник измеряет эмоциональный интеллект (ЭИ), который трактуется как способность к пониманию своих и чужих эмоций и управлению ими. В структуре ЭИ выделяется межличностный ЭИ (МЭИ) – понимание эмоций других людей и управление ими, внутриличностный ЭИ (ВЭИ) – понимание собственных эмоций и управление ими, способность к пониманию своих и чужих эмоций (ПЭ), способность к управлению своими и чужими эмоциями (УЭ). Структура опросника представлена в таблице 1.

Таблица 1 – Структура опросника «ЭМИн»

	МЭИ: межличностный ЭИ	ВЭИ: внутриличностный ЭИ
ПЭ: понимание эмоций	МП: понимание чужих эмоций	ВП: понимание своих эмоций
УЭ: управление эмоциями	МУ: управление чужими эмоциями	ВУ: управление своими эмоциями ВЭ: контроль экспрессии

Анкета «Личностные особенности политика»

Анкета позволяет выявить и описать представления респондентов о качественных особенностях личности оцениваемого человека. Она состоит из 32 личностных прилагательных, при помощи которых респондент оценивает выраженность качества у политика. Данная анкета была разработана Н.О. Свешниковой на основе данных эмпирического исследования семантического пространства межличностного восприятия М.А. Джерелиевской (Джерелиевская, 2000). Данное пространство имеет пять основных измерений: «Интеллект», «Согласие», «Нейротизм», «Самоконтроль», «Экстраверсия», которые соответствуют факторам «Большой Пятерки». По мнению А.Г. Шмелева, «Большая Пятерка» на современном этапе является максимально приближенной к обобщенному семантическому пространству, в которое проецируются представления респондентов, в том числе о политических деятелях, с учетом того, что индивидуальные различия в личности человека могут быть сведены к пяти общим факторам. Исследования подтвердили, что этих пяти факторов достаточно для построения полноценного психологического портрета личности, так как многие другие черты можно представить как комбинацию факторов «Большой Пятерки».

Результаты исследования и их обсуждение

Анализ представлений о политиках выявил особенности, которые связаны с межличностным восприятием. В ранее проведенных исследованиях нами описаны взаимосвязи характеристик невербального поведения, личностных особенностей политика, стилей взаимодействия, а также взаимосвязи речевых особенностей политика с такими чертами его личности как решительность, уверенность, значимость и доступность (Свешникова, 2009). При интерпретации данных настоящего исследования мы учитывали вклад в представление о политике «вербального образа»

(Самуйлова, 2009). Также мы опирались на существующие в политической психологии исследования структуры образа политика. Например, Д.В. Ольшанский выделяет следующие содержательно обобщенные представления о чертах политика: (1) индивидуально-личностные черты: исключительность, уверенность в себе и в своем деле, сила; (2) социальные черты: позиция «служителя общества», забота о людях, хорошее знание их проблем, стремление улучшать жизнь; (3) личностно-энергетические черты: умение влиять на людей, решительность, напористость, воля и энергия; (4) социально-нравственные черты: высокие моральные качества, соответствие «общественному идеалу» (Ольшанский, 2001).

На первом этапе интерпретации полученных эмпирических результатов (таблица 2) мы описали обобщенные «портреты» исследуемых политиков, характерные для наших респондентов.

Таблица 2 – Результаты по анкете «Личностные особенности политика»

	Путин В.В.	Медведев Д.А.	Миронов С.М.	Зюганов Г.А.	Жириновский В.В.	Явлинский Г.А.
Интеллект	36,67 (±4,10)	27,88 (±5,44)	29,05 (±3,59)	29,85 (±5,33)	30,10 (±5,24)	27,07 (±4,06)
Согласие	18,05 (±4,32)	26,64 (±4,70)	24,10 (±4,93)	23,16 (±4,76)	21,49 (±4,23)	25,18 (±3,89)
Нейротизм	24,04 (±3,78)	23,66 (±3,82)	24,55 (±2,82)	26,04 (±2,80)	23,52 (±3,77)	24,35 (±3,24)
Самостоятельность	23,04 (±6,28)	21,96 (±4,46)	23,32 (±2,85)	25,24 (±4,14)	20,20 (±4,00)	21,10 (±3,24)
Экстраверсия	17,93 (±3,85)	21,53 (±4,41)	20,93 (±3,35)	20,20 (±3,45)	22,30 (±3,48)	21,98 (±3,14)

В.В. Путин и В.В. Жириновский были оценены респондентами как свободомыслящие, морально независимые, умные, смелые, самостоятельные, проницательные (фактор «Интеллект»). На основе содержания оценок по отдельным характеристикам можно предположить, что, по мнению наших респондентов, более интеллектуальные политики более смелы и независимы, способны проявлять гибкость, а недалекий политик не является морально независимым, он придерживается больше норм поведения. Д.А. Медведев,

Г.А. Явлинский, по мнению наших респондентов, не являются «сильными» интеллектуалами и им не хватает смелости. В сравнении с В.В. Путиным и В.В. Жириновским эти политики характеризуются некоторым консерватизмом и приверженностью нормам, моральной зависимостью. Средние оценки по фактору «Интеллект» выше, чем по остальным факторам. Это свидетельствует о том, что наши респонденты выделяют «интеллектуальность» как важный признак политического деятеля. Имеются эмпирически подтвержденные данные психологических исследований о влиянии манеры держаться и одеваться на формирование впечатления о человеке. Как правило, интеллектуальная личность ассоциируется с позитивными, эстетически приятными, социально желательными характеристиками.

Приписывание «интеллектуальности» и «интеллигентности» серьезным людям, с сосредоточенным взглядом, в очках, официальном костюме характерно для ситуаций публичного общения. А политики, как правило, придерживаются официального стиля в одежде и оформлении внешности. Немаловажной оказывается и ситуация общения – в кабинете за рабочим столом или в официальной обстановке, в роли первого лица в ситуации публичного выступления. На основании исследований особенностей обыденного сознания можно предположить, что «интеллектуальность» относится к характеристике лидера, человека, способного к достижению, и достигшего успеха. В исследованиях А.Г. Шмелева по атрибуции черт реальным людям выявлена устойчивая тенденция оценки по двум параметрам – «моральная оценка» и «деятельностная оценка». Использование указанных параметров является устойчивой стратегией обыденного сознания. Согласно результатам нашего исследования, в представлении респондентов политические лидеры «умные», «морально независимые», «свободомыслящие», «проницательные», «самостоятельные». Полученные нами данные согласуются с результатами других исследований.

В исследованиях общественного мнения показано, что политику необходимо обладать «способностью к пониманию» (ум, кругозор, опыт, образованность) и «моральной порядочностью» (честность). Американские исследователи также выделяют такие важные для политического лидера качества как честность, порядочность, компетентность, способность к сочувствию.

Представление о таких особенностях политиков как эмоциональная стабильность занимает второе место после характеристик «интеллектуальности». На основании содержательного анализа данных по фактору «Нейротизм» респонденты оценили всех политиков как сдержанных. Им присуще держать дистанцию в ситуации общения, для них характерна некоторая напряженность и серьезность. Это согласуется, с нашей точкой зрения, с культурной нормой в ситуации публичного общения и организации публичного пространства.

На основании содержательного анализа данных по фактору «Согласие» Д.А. Медведев и Г.А. Явлинский оценены нашими респондентами как люди, не обладающие жесткой позицией, стремящиеся к компромиссу, отличающиеся стремлением подстроиться под аудиторию. Им присуще ориентироваться на интересы партнеров. Респонденты представляют этих политиков как сочувствующих. Также, по оценкам респондентов, для В.В. Путина и В.В. Жириновского характерно реалистичное видение мира, некоторая недоверчивость, их нельзя причислить к «робкому десятку», им не свойственны сентиментальность и мечтательность. Интересными для нашего исследования являются данные Макклеланда о том, что при оценке человека люди, в первую очередь, обращают внимание на стили поведения, а только потом относят к некоторому классу объектов. Таким образом, согласно Макклеланда, особое внимание уделяется «установкам по отношению к поведению», и только затем «установкам по отношению к объекту поведения». Также важным выводом исследований Макклеланда является

вывод о том, что успех или неуспех поведения определяется характером зависимости-независимости действий (McClelland, 1958).

В результате исследования по фактору «Самоконтроль» высокие оценки у В.В. Путина, Г.А. Зюганова и С.М. Миронова. Они оценены респондентами как практичные, консервативные, организованные, самостоятельные, реалистичные, серьезные. Д.А. Медведев, Г.А. Явлинский и В.В. Жириновский получили средние оценки. Наиболее близкая к низкой оценка В.В. Жириновского. Это дает основание полагать, что, по мнению респондентов, этот политик более напористый, агрессивный, импульсивный, он слабо контролирует свои эмоции.

По фактору «Экстраверсия» (беззаботный, безмятежный, импульсивный, расслабленный, общительный, сентиментальный) в ходе исследования все политики получили средние баллы. Это, по нашему мнению, свидетельствует о том, респонденты склонны оценивать представленных политиков как людей не очень общительных и открытых. В ситуации общения они могут проявлять, по мнению респондентов, настороженность, отстраненность, а порой и агрессивность по отношению к аудитории. Согласно ранее полученным нами данным, наиболее значимыми при формировании представлений об экстравертированности-интровертированности политика являются динамические особенности мимики, эмоциональной экспрессии. Как правило, наши политики не отличаются яркими проявлениями мимики в публичной сфере. Они чаще серьезны, мало улыбаются. В социальной психологии получены данные, свидетельствующие о том, что по внешнему виду человека можно оценивать уровень тревожности, уверенность, экстраверсию-интроверсию (Лабунская, 2009). На основании впечатления о человеке создается обобщенное представление о нем, которое выражается в терминах «привлекательный-непривлекательный», «веселый-грустный», «добрый-злой». Визуальная информация играет ведущую роль. Таким образом, можно предположить, что

полученные нами данные подтверждают взаимосвязь личностной характеристики с ее невербальными проявлениями. Соответственно в представлении респондентов политики в большей степени отличаются интровертированностью.

Для проведения сравнения респондентов между собой мы разделили их по показателю «Общий эмоциональный интеллект» из методики «ЭмИн». В одну группу вошли люди с низким и очень низким уровнем эмоционального интеллекта, ее мы обозначили как «Низкий уровень», в другую – люди со средним, высоким и очень высоким уровнем эмоционального интеллекта, ее мы назвали «Средний уровень» (рисунок 1).

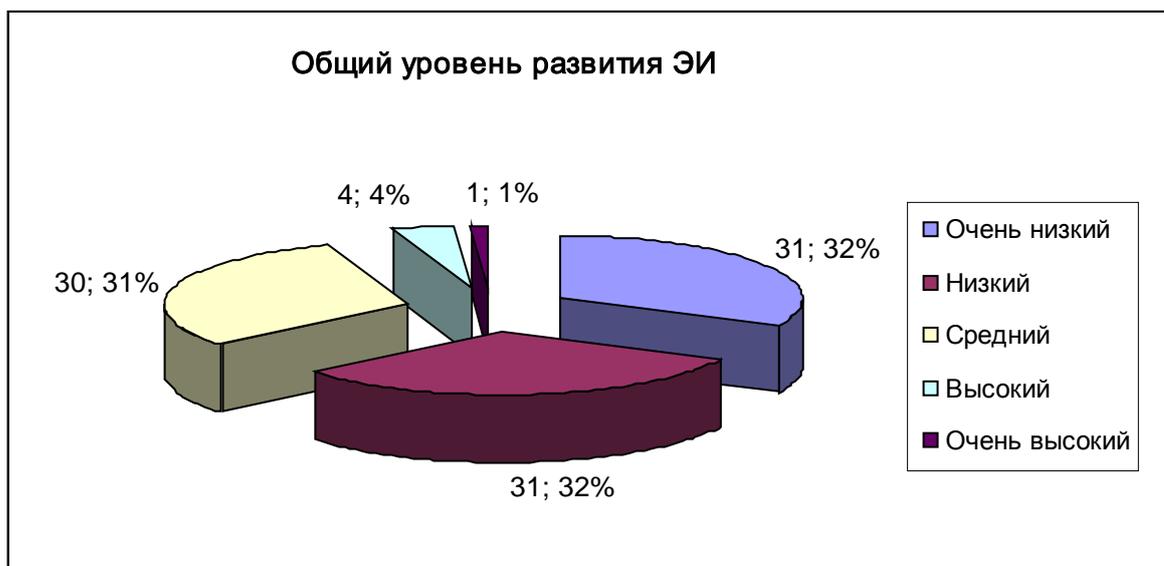

Рисунок 1 – Общий уровень развития эмоционального интеллекта

Сравнение выборок было проведено по шкалам анкеты «Личностные особенности политика». Статистически значимые различия выявились по некоторым шкалам данной анкеты (таблица 3). Анализ этих данных позволяет описать особенности представлений о каждом политике у респондентов с низким и высоким уровнем эмоционального интеллекта.

Таблица 3 – Статистически значимые различия между выборками

Политический деятель	Показатель	Группа	N	Среднее	Стд. отклон.	t	Ур. знач.
Путин В.В.	Нейротизм	Низк. ур.	62	24,60	4,08	2,13	0,05
		Средн. ур.	35	23,06	2,99		
	Самоконтроль	Низк. ур.	62	24,84	6,63	4,61	0,01
		Средн. ур.	35	19,86	4,01		
Миронов С.М.	Интеллект	Низк. ур.	62	29,55	3,88	2,00	0,05
		Средн. ур.	35	28,17	2,83		
Зюганов Г.А.	Согласие	Низк. ур.	62	23,97	5,04	2,42	0,05
		Средн. ур.	35	21,74	3,90		
Явлинский Г.А.	Интеллект	Низк. ур.	62	27,68	4,45	2,21	0,05
		Средн. ур.	35	26,00	3,01		

Выявленные различия по факторам «Нейротизм» и «Самоконтроль» между исследуемыми группами касаются представления о В.В. Путине. Соответственно, люди, у которых отсутствует уверенность в своей эмоциональной компетентности, часто могут оценивать В.В. Путина как тревожного, замкнутого, напряженного, консервативного, организованного, самостоятельного, реалистичного, практичного. Респонденты, обладающие общей уверенностью в своей эмоциональной компетентности, не склонны к однозначной оценке политика, созданию образа «железного» человека. Эти респонденты, обладая более развитой рефлексией собственных переживаний и эмоций, меньше акцентируют внимание на эмоциональности оценок другого человека. Это в большей мере способствует сосредоточению на понимании не только себя, но и другого. Именно эта особенность позволяет формировать позитивное представление об окружающих и, как результат, более сдержанно относиться к различным личностным особенностям другого человека. Также эмоциональная компетентность может способствовать более гибкой оценке другого человека, то есть могут появляться нюансы оценок.

С.М. Миронова и Г.А. Явлинского избиратели с низким уровнем ЭИ представляют как организованных, морально независимых и свободомыслящих (фактор «Интеллект»). А образ Г.А. Зюганова наполнен

такими характеристиками как доверчивый, совестливый, наивный, зависимый и т.д. (фактор «Согласие»).

Представленный анализ позволяет предположить, что респонденты с высоким уровнем ЭИ имеют более дифференцированное представление о реальном политике, которое способствует более гибкой оценке поведения и деятельности. Выраженная эмоциональная компетентность позволяет избегать типичных для самого человека реакций на политического лидера, оценивать его целостно и непредвзято, в перспективе, а не «здесь и сейчас».

Далее мы проанализировали взаимосвязи общего уровня эмоционального интеллекта и его отдельных составляющих с особенностями представлений о политике.

Все взаимосвязи между характеристиками эмоционального интеллекта и представлением о личностных особенностях политиков являются отрицательными, то есть обратными. Респонденты с высоким общим уровнем эмоционального интеллекта (ОЭИ) ($p \leq 0,01$), развитой способностью понимать эмоции (ПЭ) ($p \leq 0,05$), особенно чужие (МП) ($p \leq 0,01$), управлять эмоциями (УЭ) ($p \leq 0,05$), особенно своими (ВУ) ($p \leq 0,01$) и в принципе взаимодействовать со своими и чужими эмоциями (ВЭИ, МЭИ) ($p \leq 0,05$) представляют В.В. Жириновского все менее способным держать себя в руках, менее практичным, консервативным, серьезным и реалистичным (фактор «Самоконтроль»). И наоборот – чем ниже эти способности, тем чаще В.В. Жириновского наделяют умением контролировать себя. Также, чем хуже респонденты понимают свои эмоции (ВЭИ) ($p \leq 0,05$), тем более доверчивым, совестливым и уступчивым они считают В.В. Жириновского (фактор «Согласие»).

В.В. Путина респонденты считают тем более подозрительным, замкнутым и упрямым (фактор «Нейротизм»), чем менее понимают свои эмоции (ВП) ($p \leq 0,05$). Также со слабой способностью к пониманию эмоций (ПЭ), особенно своих (ВП), связано представление о В.В. Путине как о

безмятежном, импульсивном и общительным (фактор «Экстраверсия») ($p \leq 0,05$). А развитое понимание эмоций (ПЭ), особенно своих (ВП) ($p \leq 0,01$), управление чужими эмоциями (МЭ) ($p \leq 0,05$) и вообще высокий эмоциональный интеллект (МЭИ, ВЭИ, ОЭИ) ($p \leq 0,05$) связан с более гибким и глубоким представлением о В.В. Путине: он не «железный» человек, а способный к проявлению эмоций, импульсивности, не всегда серьезен, организован (фактор «Самоконтроль»).

Чем выше у респондентов межличностный эмоциональный интеллект (МЭИ) ($p \leq 0,01$), особенно понимание чужих эмоций (МП) ($p \leq 0,05$), способности управлять эмоциями (УЭ) и вообще ЭИ ($p \leq 0,05$), тем более недалеким, не свободомыслящим и морально зависимым считают Г.А. Явлинского (фактор «Интеллект»). Респонденты, с высокими способностями к управлению чужими эмоциями (МУ) ($p \leq 0,05$) обнаруживают в своих представлениях об этом политике такие характеристики как: общительность, спокойствие и т.д. (фактор «Нейротизм»). А люди, способные хорошо понимать чужие эмоции (МП) ($p \leq 0,05$) не «видят» в образе Г.А. Явлинского практичности, реалистичности и организованности (фактор «Самоконтроль»).

Представление о С.М. Миронове как о способном контролировать себя политике (фактор «Самоконтроль») связано с низким межличностным эмоциональным интеллектом (МЭИ) избирателей ($p \leq 0,01$) и плохим пониманием эмоций (ПЭ) ($p \leq 0,05$), особенно чужих (МП) ($p \leq 0,01$).

Образ Г.А. Зюганова как доверчивого, совестливого, наивного политика (фактор «Согласие») связан с низким внутриличностным интеллектом (ВЭИ) и неумением контролировать проявление своих эмоций (ВЭ) ($p \leq 0,05$).

Заключение

Социально-политические трансформации последних лет значительно актуализировали проблему познания и понимания политических процессов, социальных проблем на уровне массового сознания. В политической психологии проблема субъективности становится одной из доминирующих. Как показывает опыт, накопленный за последние десятилетия, остаются не объясненными причины выбора людьми той или иной политической позиции. Эффекты персонификации политики стали ведущими в эпоху «информационного тоталитаризма» СМИ. При растущем объеме информации о политической жизни общества возникает запрос на качество, как со стороны обычного человека, так и общественного и политического деятеля. Это связано с тем, что жизнь каждого из нас стала опосредоваться СМИ. Медиатизация социальной и политической сферы достигла высокого уровня. В этой ситуации не сами политики, а их образы, представления об их деятельности становятся реальностью. В свою очередь, политики формируют сквозь призму информационной линзы представления о населении, отдельных его представителях, проблемах, актуальных для общества. В этой ситуации особое значение имеют эмоциональные процессы, способные сыграть роль мощного регулятора разных форм политического поведения. Многие исследователи обращают внимание на необходимость углубленного изучения роли эмоций в политической жизни. При этом одной из актуальных и мало изученных является проблема интегрального понимания эмоциональных и когнитивных факторов в развитии представлений о политике в целом, и об отдельных политических деятелях, в частности. В нашей работе мы использовали относительно новый конструкт «эмоциональный интеллект», который, как показывает ряд исследователей, обладает высоким объяснительным и прогностическим потенциалом. Мы выявили некоторые особенности взаимосвязи эмоционального интеллекта и образа политика. Обнаружено, что люди со средними и высокими

показателями эмоционального интеллекта менее категоричны при оценивании политиков, и их описания более дифференцированы. Уровень эмоционального интеллекта у избирателей наиболее тесно связан с такой характеристикой образа политика как самоконтроль. Можно сделать вывод о том, что чем лучше человек разбирается в своих и чужих эмоциях, тем он более склонен обращать внимание на умение другого человека делать то же самое. Поэтому именно на эту характеристику политического лидера нужно в первую очередь обращать свое внимание (и внимание клиента в случае консультирования) специалистам в области политической психологии. Наше исследование способствовало обнаружению некоторого проблемного поля при изучении представлений во взаимосвязи с уровнем эмоционального интеллекта. Проведенное исследование позволяет продолжить дальнейшее развитие проблематики опосредованности представлений о политическом лидере характером и глубиной эмоциональных переживаний, уровнем их понимания.

Список использованных источников

- Анисимова Т.В. Психологические условия эффективной презентации личности политика в СМИ // Прагмалингвистика и практика речевого общения: сборник научных трудов международной научной конференции (28 ноября 2008 г.). Ростов на Дону, ИПО ПИ ЮФУ, 2008.
- Батурина Г.И. Эмоции и чувства как специфическая форма отражения действительности // Диалектика познания и сознания. Учёные записки Ивановского педагогического института. Иваново, Изд-во Ив. пед. ин-та, 1973.
- Веккер Л.М. Психические процессы. Том 3, ч. 2. Л., 1981.
- Вилюнас В.К. Психология эмоциональных явлений. М., 1976.
- Гостев А.А. Психология вторичного образа. М., Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Гостев А.А., Петухов В.М. Измерение и факторизация характеристик вторичных образов // Вопросы психологии, № 2, 1987.
- Джерелиевская М.А. Установки коммуникативного поведения: диагностика и прогноз в конкретных ситуациях. М., Смысл, 2000.

- Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология. М., Наука, 1996.
- Зейгарник Б.В. Патопсихология. М., Изд. МГУ, 1986.
- Егорова-Гантман Е.В. Игра в солдатики. М., Никколо-М, 2003.
- Егорова-Гантман Е.В. Имидж политика. М., 1994.
- Емельянов Ю.И. Активное социально-психологическое обучение. Л., ЛГУ, 1985.
- Ильин Е.П. Эмоции и чувства. СПб., Питер, 2001.
- Конфисахор А.Г. Психология власти. СПб., Питер, 2004.
- Куницына В.Н. Социальная компетентность и социальный интеллект: структура, функции, взаимоотношение // Теоретические и прикладные вопросы психологии / Под ред. А.А. Крылова. Вып. 1., Ч. 1. СПб., Академия, 1995. С. 48-61.
- Лабунская В.А. Не язык тела, а язык души! Психология невербального выражения личности. Ростов на Дону, Феникс, 2009.
- Люсин Д.В. Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭМИн // Психологическая диагностика. 2006, № 4. С. 3-22.
- Люсин Д.В. Современные представления об эмоциональном интеллекте // Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования. М., ИП РАН, 2004. С. 29-39.
- Ольшанский Д.В. Психология современной российской политики. М., 2001.
- Ольшанский Д.В. Политико-психологический словарь. М., Академический Проект; Екатеринбург, Деловая книга, 2002.
- Практический интеллект / Под ред. Р.Дж. Стенберга. СПб., Питер, 2002.
- Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб., Питер, 2007.
- Самуйлова И.А. Особенности речевых портретов и имиджей политических лидеров России / Диагностирование языковой личности и речевое поведение политика. Ростов на Дону, ИПО ПИ ЮФУ, 2009.
- Свешникова Н.О. Психологическая структура реального и идеального образа политического лидера / Диагностирование языковой личности и речевое поведение политика. Ростов на Дону, ИПО ПИ ЮФУ, 2009.
- Ушаков Д.В. Социальный интеллект как вид интеллекта // Социальный интеллект. Теория, измерение, исследования / Под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. М., ИП РАН, 2004. С. 11-28.
- Barber J.D. The Presidential character: Predicting performance in the White House. N.Y., Harper, 1972. P. 10.
- Bar-On R. The emotional Quotient Inventory (EQI): Technical Manual. Toronto, Multi Health System, 1997.
- Goleman D. Emotional intelligence. New York, Bantam Books, 1995.
- Guilford J.P. The nature of human intelligence. New York, McGraw-Hill, 1967.
- Heider F. The Psychology of Interpersonal Relations. New York, 1957.
- Mayer J.P., Salovey P. What is emotional intelligence? // Emotional development and emotional intelligence: Implications for educators / Eds. P. Salovey, D. Sluyter. New York, Basic, 1997.
- Mayer J.D., Salovey P., Caruso D. Models of Emotional Intelligence // Handbook of Intelligence. / Ed. R.J. Sternberg. Cambridge, Cambridge University Press, 2000.
- McClelland D.C. in Atkinson J.W. (ed.) Motives in Fantasy Action and society. New York, Van Nostrand, 1958.

- Petrides K.V., Furnham A. On the dimensional structure of emotional intelligence // *Personality and Individual Differences*, 2000. Vol. 29.
- Post J. Personality types and political decision-making: Bridging troubled waters. Paper. Wash., George Washington Univ., 1991.
- Simonton D. Personality and politics / *Handbook of personality: Theory and research*. Ed. L. Pervin. New York, The Guilford Press, 1990.
- Tucker R. *Politics and Leadership*. New York, 1981.

References

- Anisimova T.V. Psikhologicheskie usloviia effektivnoi prezentatsii lichnosti politika v SMI [Psychological conditions of effective politician's personality representation in media] // *Pragmalingvistika i praktika rechevogo obshcheniia: sbornik nauchnykh trudov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (28 noiabria 2008 g.)*. Rostov na Donu, IPO PI IuFU Publ., 2008. (In Russian)
- Baturina G.I. Emotsii i chuvstva kak spetsificheskaia forma otrazheniia deistvitel'nosti [Emotions and feelings as a specific form of reality reflection] // *Dialektika poznaniia i soznaniia. Uchenye zapiski Ivanovskogo pedagogicheskogo instituta*. Ivanovo, Iv. ped. Institute Publ., 1973. (In Russian)
- Vekker L.M. Psikhicheskie protsessy [Mental processes]. Vol. 3, Part 2. Leningrad, 1981. (In Russian)
- Viliunas V.K. Psikhologiiia emotsional'nykh iavlenii [Psychology of emotional phenomena]. Moscow, 1976. (In Russian)
- Gostev A.A. Psikhologiiia vtorichnogo obraza [Psychology of the secondary image]. Moscow, IP RAS, 2007. (In Russian)
- Gostev A.A., Petukhov V.M. Izmerenie i faktorizatsiia kharakteristik vtorichnykh obrazov [Measuring and factorization of secondary images characteristics] // *Voprosy psikhologii*, Is. 2, 1987. (In Russian)
- Dzherelievskaiia M.A. Ustanovki kommunikativnogo povedeniia: diagnostika i prognoz v konkretnykh situatsiiakh [Attitudes of communicative behavior: diagnostics and prognosis in specific situations]. Moscow, Smysl Publ., 2000. (In Russian)
- Diligenskii G.G. Sotsial'no-politicheskaia psikhologiiia [Social and political psychology]. Moscow, Nauka Publ., 1996. (In Russian)
- Zeigarnik B.V. Patopsikhologiiia [Pathopsychology]. Moscow, MSU Publ., 1986. (In Russian)
- Egorova-Gantman E.V. Igra v soldatiki [Playing with toy soldiers]. Moscow, Nikkolo-M Publ., 2003. (In Russian)
- Egorova-Gantman E.V. Imidzh politika [Politician's image]. Moscow, 1994. (In Russian)
- Emel'ianov Iu.I. Aktivnoe sotsial'no-psikhologicheskoe obuchenie [Active education on social psychology]. Leningrad, LSU Publ., 1985. (In Russian)
- Il'in E.P. Emotsii i chuvstva [Emotions and feelings]. St. Petersburg, Piter Publ., 2001. (In Russian)
- Konfisakhor A.G. Psikhologiiia vlasti [Psychology of power]. St. Petersburg, Piter Publ., 2004. (In Russian)

- Kunitsyna V.N. Sotsial'naia kompetentnost' i sotsial'nyi intellekt: struktura, funktsii, vzaimootnoshenie [Social competence and social intelligence: structure, functions, interaction] // Teoreticheskie i prikladnye voprosy psikhologii / Pod red. A.A. Krylova. Is. 1., Part 1. St. Petersburg, Akademiia Publ., 1995. S. 48-61. (In Russian)
- Labunskaiia V.A. Ne iazyk tela, a iazyk dushi! [Not body language, but a language of soul]. Psikhologiiia neverbal'nogo vyrazheniia lichnosti. Rostov na Donu, Feniks Publ., 2009. (In Russian)
- Liusin D.V. Novaia metodika dlia izmereniia emotsional'nogo intellekta: oprosnik EmIn [New method for measuring emotional intelligence: questionnaire EmIn] // Psikhologicheskaia diagnostika. 2006, No. 4, pp. 3-22. (In Russian)
- Liusin D.V. Sovremennye predstavleniia ob emotsional'nom intellekte [Contemporary views on emotional intelligence] // Sotsial'nyi intellekt: Teoriia, izmerenie, issledovaniia. Moscow, IP RAS, 2004, pp. 29-39. (In Russian)
- Ol'shanskii D.V. Psikhologiiia sovremennoi rossiiskoi politiki [Psychology of contemporary Russian politics]. Moscow, 2001. (In Russian)
- Ol'shanskii D.V. Politiko-psikhologicheskii slovar' [Dictionary of political psychology]. Ekaterinburg, Delovaia kniga Publ., 2002. (In Russian)
- Prakticheskii intellekt [Practical intelligence] / Ed. R.J. Stenberg. St. Petersburg, Piter Publ., 2002. (In Russian)
- Rubinshtein S.L. Osnovy obshchei psikhologii [Basics of general psychology]. St. Petersburg, Piter Publ., 2007. (In Russian)
- Samuilova I.A. Osobennosti rechevykh portretov i imidzhei politicheskikh liderov Rossii [Features of speech portraits and images of Russian political leaders] / Diagnostirovanie iazykovoii lichnosti i rechevoe povedenie politika. Rostov na Donu, IPO PI IuFU Publ., 2009. (In Russian)
- Sveshnikova N.O. Psikhologicheskaia struktura real'nogo i ideal'nogo obraza politicheskogo lidera [Psychological structure of real and ideal image of a political leader] / Diagnostirovanie iazykovoii lichnosti i rechevoe povedenie politika. Rostov na Donu, IPO PI IuFU Publ., 2009. (In Russian)
- Ushakov D.V. Sotsial'nyi intellekt kak vid intellekta [Social intelligence as a type of intelligence] // Sotsial'nyi intellekt. Teoriia, izmerenie, issledovaniia / Pod red. D.V. Liusina, D.V. Ushakova. Moscow, IP RAS, 2004, pp. 11-28. (In Russian)
- Barber J.D. The Presidential character: Predicting performance in the White House. N.Y., Harper, 1972, p. 10.
- Bar-On R. The emotional Quotient Inventory (EQI): Technical Manual. Toronto, Multi Health System, 1997.
- Goleman D. Emotional intelligence. New York, Bantam Books, 1995.
- Guilford J.P. The nature of human intelligence. New York, McGraw-Hill, 1967.
- Heider F. The Psychology of Interpersonal Relations. New York, 1957.
- Mayer J.P., Salovey P. What is emotional intelligence? // Emotional development and emotional intelligence: Implications for educators / Eds. P. Salovey, D. Sluyter. New York, Basic, 1997.
- Mayer J.D., Salovey P., Caruso D. Models of Emotional Intelligence // Handbook of Intelligence. / Ed. R.J. Sternberg. Cambridge, Cambridge University Press, 2000.

- McClelland D.C. in Atkinson J.W. (ed.) *Motives in Fantasy Action and society*. New York, Van Nostrand, 1958.
- Petrides K.V., Furnham A. *On the dimensional structure of emotional intelligence // Personality and Individual Differences*, 2000. Vol. 29.
- Post J. *Personality types and political decision-making: Bridging troubled waters*. Paper. Wash., George Washington Univ., 1991.
- Simonton D. *Personality and politics / Handbook of personality: Theory and research*. Ed. L. Pervin. New York, The Guilford Press, 1990.
- Tucker R. *Politics and Leadership*. New York, 1981.